ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

А.Д. Дикарёв, А.И. Кобзев
ИВ РАН

Более 40 лет изучения китайских традиций в России

(О ежегодных конференциях «Общество и государство в Китае» в Институте востоковедения РАН)

1. Общая характеристика

Ежегодно проводимая Отделом Китая ИВ РАН с 1970 г., трёхдневная научная конференция «Общество и государство в Китае» (далее – ОГК) является старейшей и авторитетнейшей в России конференцией, охватывающей все аспекты синологии, включая маньчжуристику, тибетологию, тангутоведение и киданеведение, а отчасти и изучение Японии, Кореи, Монголии и Вьетнама. Традиционно на ней обсуждается самый широкий круг проблем, связанных с историей, философией, филологией, экономикой и другими аспектами культуры Китая и всего дальневосточного региона. В её работе принимают участие сотрудники различных институтов РАН, преподаватели, студенты, магистранты и аспиранты ведущих востоковедных ВУЗов РФ и других стран, прежде всего ближнего зарубежья и Китая. Материалы конференции с конца 1990-х гг. представляют собой полноценные сборники статей, с 2009 г. издаваемые в формате «Учёных записок Отдела Китая ИВ РАН». Эти сборники хорошо известны в мире, представлены в главных научных библиотеках многих стран и являются основным в России периодическим изданием по китаеведению, отражающим его ведущие, в т.ч. общемировые, тенденции. За 43 года было издано 3057 докладов и статей в 90 книгах. Издания двух последних конференций отмечены наивысшими достижениями в качестве и количестве, содержании и форме (имеется в виду полиграфическое

© Дикарёв А.Д., Кобзев А.И., 2014

исполнение, в частности, появление цветных иллюстраций, принципиально важных в работах об искусстве и в факсимильных публикациях). Это во многом обусловлено грантовой поддержкой РГНФ. В трёх книгах 42-й конференции общим объёмом ок. 80 а.л. увидели свет 112 статей. Подготовка и публикация последней, третьей книги объёмом 28 а.л. была поддержана грантом РГНФ № 12-01-14049г. В двух книгах 43-й конференции общим объёмом ок. 66 а.л. увидели свет 96 статей. Их подготовка и публикация были поддержаны грантом РГНФ № 13-01-14000г. Все материалы последних конференций выставляются на сайте Synologia.ru в рамках также поддержанного РГНФ проекта № 12-31-09011, тип – в (ц) Электронная научно-информационная база данных «Русский Китай».

2. Научная роль и общественное значение. Основные факты и некоторые итоги

В сентябре 2013 года на встрече с высокопоставленной делегацией Академии общественных наук КНР директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин с гордостью демонстрировал китайским коллегам в числе прочей научной продукции института «красную книжечку» внушительного объёма (около 700 страниц) – 1-ю часть материалов 43-й конференции ОГК.

Как целое она являет собой редкий (а, может быть, и уникальный) научный (и без преувеличения – общественно-политический) проект, зародившийся в одном государстве (СССР), продлившийся более четырёх десятилетий без перерыва практически в неизменном формате и успешно продолжающийся в другом государстве (России), несмотря на всяческие пертурбации в стране, Академии наук и самом Институте востоковедения.

За это время дважды сменились руководители Отдела Китая (Л.П. Делюсину наследовал в 1991 г. А.А. Бокщанин, последнему в 2011 г. – А.И. Кобзев) и несколько раз – редакторы изданий материалов конференции (А.Н. Хохлов, Н.П. Свистунова, С.И. Блюмхен, А.И. Кобзев и другие члены редколлегии), сама же ежегодно устраиваемая ОГК вызывает неизменный интерес у китаистов России, СНГ и многих других стран, постепенно выходя на всё более высокий международный уровень по мере расширения наших связей с зарубежными коллегами.

Материалы ОГК хорошо знакомы владеющим русским языком зарубежным китаеведам. В первую очередь здесь следует упомянуть профессора Принстонского университета Г. Розмана, самоотверженно и плодотворно занимавшегося критическим анализом работ

наших китаеведов, в результате чего появилось весьма характерное признание в том, что «всем нам есть чему поучиться у советского китаеведения, какие бы недостатки ему ни приписывали» (The China Quarterly, N 110, 1987, p. 321). Имеются и другие свидетельства внимания западной синологии к публикациям ОГК (см. например: Soviet Sinology Index. – CCP Research Newsletter, 1989, № 3). Более 20 лет назад сотрудники Отдела Китая ценой больших усилий, зачастую жертвуя личными библиотеками, собрали полный комплект всех изданных к тому времени книжек с докладами[1] и отправили их в адрес Австралийского национального университета по просьбе руководства его библиотеки. В последние годы членами редколлегии стали свободно владеющие русским языком известные синологи из Франции, Германии и Польши: А. Роше, Г. Йегер и П. Адамек.

Особо хочется отметить интерес к ОГК (и российскому китаеведению в целом) со стороны китайских учёных, активно занятых в последнее время национальной наукой *хань-сюэ* («учение о ханьской/китайской [культуре]), или *го-сюэ* («учение о родине / государственная учёность / национальная наука»). Этот вариант синологии представляет собою комплексную междисциплинарную науку, изучающую всю совокупность традиционно признанных фундаментальных основ китайской духовной культуры, образованности и учёности, а ныне также направленную на распространение знаний о Китае в мире вкупе с исследованием особенностей изучения его истории и культуры в главных центрах мировой синологии. К таковым издавна принадлежат российские научно-исследовательские и учебные учреждения с традициями трёх веков практического и двух веков научного китаеведения (вначале в Казани и Санкт-Петербурге, затем в Москве, а впоследствии не только в географически близких Китаю регионах – в Сибири и на Дальнем Востоке, но и во многих других городах и весях)[2]. Китайские учёные, избравшие темой своих исследований российское китаеведение, выделяют ОГК среди прочих конференций как публикующую наибольшее количество материалов и имеющую «широкое международное влияние»[3].

Мы совершенно уверены в том, что лучший способ понять тенденции отечественного китаеведения в переходный период между поздней советской и ранней российской эпохами – это изучить с количественной, содержательной и качественной стороны тезисы и доклады, представленные на ОГК. Они публикуются, как правило, в начале следующего календарного года, накануне соответствующей сессии конференции, хотя за последние два года их изобилие и стремление редколлегии не упустить ничего ценного из поздних поступлений обусловили и более поздний выпуск дополнительных

книг с материалами. Большинство этих докладов представляет собой полноценные научные статьи, в целом ряде случаев являвшиеся предтечами изданных впоследствии капитальных монографий, составляющих основу советско-российского китаеведения конца XX – начала XXI века (а если точнее – его так называемого «традиционного» направления, охватывающего длительный исторический период с палеолитической древности до образования КНР).

Не подлежит сомнению, что за более чем 40 лет своего существования ОГК, организатором которой неизменно является Отдел Китая ИВ РАН, подтвердила свое право считаться самым авторитетным и представительным форумом отечественных китаеведов, а «публикации этих конференций составили уже многотомную библиотеку, содержащую ценнейшие материалы практически по всем важнейшим проблемам истории и современности Китая»[4].

Число опубликованных докладов ОГК в настоящее время превысило 3 тысячи. Материалы, посвящённые периоду КНР после 1949 г., хотя и присутствуют в публикациях, но занимают относительно меньшее место в основном благодаря наличию в РАН другого специализирующегося в данной проблематике учреждения – Института Дальнего Востока, задуманного и созданного в 1965 г. в качестве главного центра изучения современного Китая[5].

Справедливости ради следует сказать, что минимум половина дня (ОГК обычно проходила в течение трёх дней) неизменно уделялась докладам о самых актуальных проблемах экономики, политики и социологии современного Китая. Можно лишь пожалеть о том, что большинство этих выступлений (ведущих китаеведов-«современщиков» – Я.М. Бергера, Ю.М. Гарушянца (1930–2012), В.Г. Гельбраса, Л.П. Делюсина (1923–2013) и ряда других) относятся к жанру устной истории и не были должным образом застенографированы, а многие их авторы, увы, уже покинули сей мир[6].

Отцом-основателем ОГК по праву считается выдающийся китаевед и организатор науки, специалист по новейшей истории и идеологии Китая Лев Петрович Делюсин, с 1967 по 1990 г. стоявший у руля Отдела Китая. Как говорил он сам, «идея проведения научных конференций (или симпозиумов) под девизом „Общество и государство в Китае“ возникла в Отделе Китая из стремления к обсуждению спорных, нерешённых проблем социально-политической и культурной истории Китая в свободной, ничем не стеснённой форме», при этом предполагалось собрать под одной крышей для участия в дискуссиях историков, философов, филологов и экономистов, как «погружённых в исследования узких проблем[7], так и сосредоточивших своё внимание на „генеральных“ концепциях»[8].

Упоминание о «свободной» и «не стеснённой форме» может вызвать у молодого читателя, привыкшего к печатной и непечатной вседозволенности, некоторое недоумение. Поэтому стоит напомнить о некоторых «китайских» особенностях общего идеологического застоя 70-х гг. XX века. После вооружённого конфликта между двумя странами «победившего социализма» наш по возрасту явно старший, но идеологически «младший брат» Китай стал рассматриваться частью советской элиты и многими высокопоставленными экспертами (среди них был и тогдашний директор Института Дальнего Востока АН СССР М.И. Сладковский, 1906–1985) как потенциальный агрессор и едва ли не более злостный враг, чем американский империализм. Даже многие диссиденты (А.И. Солженицын, А.А. Амальрик, на первых порах и А.Д. Сахаров) всерьёз обсуждали возможность полномасштабной войны с Китаем[9]. Слова «Китай», «китайский» стали в прессе чуть ли не бранными, в книжных магазинах найти что-либо не идеологизированное на китайскую тему стало весьма затруднительно, а единственный имевшийся к тому времени в типографии издательства «Наука» набор иероглифических шрифтов был рассыпан, в результате на долгие годы было заторможено издание в надлежащем виде научной китаеведческой продукции[10].

Зная, чем грозило публичное высказывание неканонических взглядов в эпоху застоя и борьбы с публичными проявлениями диссидентства, приходится только удивляться, как могли эксперты-китаеведы проговаривать «такие вещи, которые шли абсолютно вразрез с официальной политикой их страны»[11]. Как свидетельствует один из самых компетентных знатоков истории ОГК Э.А. Синецкая, «или автор, или гость, или тема – почти на каждой конференции находилось что-нибудь, что вечно настораживало контролирующие нашу идеологию и правильность нашей научной методологии органы»[12].

Поэтому вполне можно согласиться с выводами непосредственных участников событий о том, что популярнейшая не только в научных кругах ОГК (в иные годы на конференцию приходило до 200 человек) «является событием, по своей значимости далеко выходящим за рамки учёных собраний»[13], что «этот научный и общественный феномен стал одним из важных явлений не только профессиональной, но и общественной жизни в нашей стране»[14].

Сам же основоположник ОГК Л.П. Делюсин оценивал её роль, казалось бы, довольно скромно: благодаря этой конференции наши «китаисты лучше узнали друг друга, стали больше и чаще общаться», что «оказывает благотворное влияние на работу учёного»[15].

Но такой вывод слишком очевиден и явно недостаточен. Одним из основных идейно-политических, на первый взгляд – «отрицательных»,

итогов первых конференций ОГК вполне можно считать то, что «попытки создания одной „единственно правильной“ концепции социально-исторического развития Китая, санкционированной и одобренной свыше, пока не увенчались успехом». Эта цитата также принадлежит Л.П. Делюсину, который хоть и эзоповым языком, не упоминая прямо марксизм-ленинизм (дело было ещё до распада СССР), но вполне ясно дал понять, что марксистская теория исторического процесса не вполне пригодна для объяснения основных тенденций китайской истории, а узурпация «права владения истиной в последней инстанции, как показывает опыт, заводит научное исследование в тупик»[16].

Не случайно многие выступления на конференции, критикующие китайскую практику, анализирующие пресловутый «азиатский способ производства», вполне могут рассматриваться как направленные против основополагающих идеологических концепций, общих в то время для КНР и СССР. Не случайно большим успехом на первых конференциях ОГК пользовались доклады выдающегося философа, культуролога и диссидента Г.С. Померанца (1918–2013)[17].

Можно привести и ещё один пример того, как научная конференция сыграла явно политическую роль. В 1980 г. с трибуны ОГК впервые прозвучала правда о содержании идеологического поворота в КНР после Пленума 1978 г. Вопреки официально принятой в советских правящих кругах характеристике «маоизм без Мао» эксперты-китаеведы доказывали, что при Дэн Сяопине в Китае фактически началась борьба с наиболее одиозной частью наследия Мао Цзэдуна[18].

Борьба с цензурой в тех или иных формах продолжалась вплоть до распада СССР в 1991 г. В результате этой борьбы и сложилась уже упомянутая практика, когда наиболее резкие критические выступления против «традиционного» (читай: марксистского) подхода к общественно-историческим явлениям не могли быть опубликованы, но благодаря демократической атмосфере в Отделе Китая регулярно допускались для устных презентаций. Редакторы проявляли чудеса профессиональной ловкости, балансируя буквально на лезвии бритвы, пытаясь опубликовать неортодоксальные концепции и в то же время избежать чрезмерного внимания к содержанию материалов со стороны контролирующих печатную продукцию органов[19].

Разумеется, главное значение этого самого открытого и представительного форума всех советских, затем – российских, ближнезарубежных, а нередко и дальнезарубежных китаеведов, состояло не только в идеологической, но прежде всего в научной смелости. Серии лучших выступлений и публикаций многих участников превратились как в их индивидуальные солидные монографии, так и в

основательные коллективные труды – сборники статей, само название которых говорит об их происхождении: «Китай: общество и государство». М., 1973; «Китай: государство и общество». М., 1977; «Государство и общество в Китае». М., 1978.

3. Несколько цифр и выводов

За первые 20 лет ОГК в 56 томах опубликовано 1784 статьи. Неуклонное увеличение числа публикаций свидетельствовало о росте популярности конференции. Если в 1970–74 гг. свет увидели почти 270, то в 1985–89 гг. – более 605 материалов.

Очередное смутное время в российской истории не могло не сказаться на ОГК. С переходом страны на рыночные отношения у ОГК возникли финансовые трудности, ставшие хроническими. Публикация материалов неизменно поддерживалась и одобрялась дирекцией Института востоковедения, но столь же неизменно требовала и требует хлопотливого поиска спонсоров. Несмотря на постепенное внедрение компьютерных технологий, в 90-е гг. ухудшилось качество набора и печати. В количественном отношении динамика такова: если с 1973 по 1991 г. ежегодно публиковалось более ста докладов в трёх томах, то с 1992 г. стало издаваться по 2 тома, а начиная с 25-й конференции (1994 г.) – один том. Материалы двух сессий 28-й ОГК (1997 и 1998 гг.) вышли в двух частях в 1998 г. Общее число публикуемых в 90-е гг. докладов снизилось, составив чуть более 40 в год.

Начиная с 30-й конференции, проведённой в последний год 20-го века, книги наконец обретают достойный внешний вид, а по содержанию становятся стандартными сборниками статей, количество которых из-за большего размера уменьшается – до 38-й конференции включительно их в среднем в год публикуется около 30. С 39-й конференции при обретении формата «Учёных записок Отдела Китая» количество статей вновь начинает существенно увеличиваться – сначала в полтора раза, с 41-й – более чем вдвое, а за последние два года – в три с лишним раза. Их общее число в 28 книгах ОГК, увидевших свет в 1990–2010 гг., составило ровно 1000, а в 6 книгах, вышедших в 2011–2013 гг. – ещё 270.

С 1998 года в оглавлении появляется тематическая рубрикация, пока ещё далёкая от совершенства. Если очень приблизительно разделить весь массив статей на три основных крупных группы (1. История, историография, включая философию, идеологию, науку. 2. Литература, язык, искусство, культура. 3. Экономика, политика, социология и прочие проблемы современного Китая), то около 70% публикаций можно отнести к первой группе, 20% – ко второй, 10% – к третьей. Поэтому любой количественный анализ массива данных ОГК

должен считаться весьма условным применительно к специалистам по современной проблематике и в определённой степени ограниченным по отношению к филологам.

Более или менее равномерно представлены в материалах ОГК основные эпохи китайской истории. 17% – древний Китай (до 221 г. до н.э.), 23% – средние века (до династии Цин), 24% – новое время (период Цин), 22% – новейшее время (период Китайской Республики). В 7% докладов обсуждаются проблемы КНР. Естественно, значительное число материалов (около 10%) не имеют явной временной привязки и относятся к Китаю в целом.

Вполне понятно, что большинство публикаций принадлежат учёным Института востоковедения (более 25%). Затем следует его бывший Ленинградский филиал, ставший в 2009 г. самостоятельным учреждением РАН (Институт восточных рукописей), а также Институт Дальнего Востока (примерно по 10%). Около 8% докладов опубликовали представители профессорско-преподавательского состава и аспиранты Института стран Азии и Африки МГУ, значительное число участников ОГК (по 5%) – сотрудники Санкт-Петербургского (СПбГУ) и Дальневосточного (ДВФГУ) университетов. Остальные авторы ОГК (более 35%) представляют более 100 научных, практических и государственных учреждений.

Последние 20 трудных лет подтвердили ещё один важный вывод, сделанный в 1989 г. Несмотря на продолжающийся «кризис поколений» и относительное уменьшение числа учёных «традиционной» научной ориентации, говорить о «вымирании» классического китаеведения не приходится. Если в 1970–89 гг. свои разработки в ОГК опубликовали чуть более 500 специалистов, то к 2010 году общее число наших авторов – свыше 650. Большинство из тех, кто впервые опубликовался за последние двадцать лет, – представители нового поколения китаеведов, получивших образование в новой России и широкую возможность стажировок в Китае. В то же время не менее половины публикаций каждый год по-прежнему приходится на ветеранов.

Ещё одним любопытным доказательством представительности ОГК может служить такой факт: в число авторов ОГК входит большая часть (55%) китаеведов, включённых в выдержавший уже третье издание и также поддержанный грантом РГНФ авторитетный биобиблиографический словарь С.Д. Милибанд «Востоковеды России: XX – начало XXI в.» (кн. 1, 2. М., 2008).

Что касается общего количества публикаций в ОГК, то лидерами являются опубликовавший за 37 лет 52 материала лауреат Госпремии России за 6-томную энциклопедию «Духовная культура Китая», историк китайской философии, науки и культуры А.И. Кобзев и

опубликовавший за 43 года 51 материал неутомимый архивист, видный историк русско-китайских отношений и российского китаеведения А.Н. Хохлов, приближающийся к своему 85-летию. Среди наиболее активных авторов ОГК (более тридцати материалов каждый) выделяются также: отпраздновавший в этом году своё 85-летие классик отечественной и мировой синологии С. Кучера (39 статей); сотрудник ИДВ РАН В.С. Кузнецов, опубликовавший большое количество статей о политике Китая в отношении мусульман и тибетцев (всего 35); ветеран Отдела Китая, специалист по республиканскому периоду китайской истории и внешней политике гоминьдана З.Д. Каткова (также 35); известный питерский синолог-медиевист Г.Я. Смолин (1930–2011) (31 статья) и многие другие учёные (в основном сотрудники Отдела Китая Института востоковедения), представившие свои труды более 20 раз каждый.

Помимо алфавитного и предметного указателей первых двадцати конференций, изданных в виде отдельного тома (Общество и государство в Китае. Указатели (I–XX научные конференции). М.: Наука, 1989), за эти четыре с лишним десятилетия Отделом Китая были опубликованы следующие справочные издания: «Общество и государство в Китае: список докладов (XXI–XXV научные конференции)» (М., 1994), а также алфавитные указатели 1–30 и 1–40 конференций в переводе на английский язык. Первый из переводов издан отдельной брошюрой: «Society and State in China. Index.Conferences I–XXX» (М.: «Муравей», 2000). Второй был тиражирован только на CD-дисках. Английский перевод содержания четырёх книг 41–42 конференций помещён в конце ч. 3 издания материалов последней из них (М., 2012).

В 2011 году в качестве 4-го выпуска «Учёных записок Отдела Китая» увидел свет отдельный том указателей к 1–40 конференциям ОГК. Помимо полного, выстроенного в алфавитном порядке списка авторов и названий всех опубликованных за 40 лет 2784 докладов, он содержит указатели встречающихся в заголовках имён, этнонимов и географических названий, а также индексы цитируемости, составленные путём обработки всего корпуса библиографической информации, приведённой во всех этих публикациях. Количественный анализ содержащихся в указателях данных позволяет прояснить динамику интересов отечественного китаеведения, рассматриваемого в целом. Так, если в первые двадцать лет несмотря на ощутимое присутствие политически более или менее «нейтральных» исследований (буддология, конфуцианство, эстетика и др.), в центре внимания научного сообщества всё же были типичные для советской исторической науки темы: формационной принадлежности

Китая на разных этапах его истории, азиатского способа производства, аграрных отношений в старом Китае, истории китайской революции. В последующие двадцать лет интересы смещаются некоторым образом «вглубь веков»: в сторону исследований структуры текстов, ицзинистики, нумерологии, древней истории, происхождения китайской цивилизации и прочих сложных проблем традиционной культуры Китая. Обратившись к индексам цитирования, мы также можем достоверно судить в первую очередь о том, какие темы исследований в отечественном китаеведении ушли в прошлое или уходят на второй план, а какие приобретают актуальность и вызывают повышенный общественный интерес.

Примечания

[1] Материалы конференции издавались тиражом от 100 до 250 экземпляров, после обязательной рассылки по основным советским учреждениям и библиотекам и раздачи авторам, оставшихся экземпляров зачастую не хватало всем желающим, поэтому мало кто из «частных лиц» сейчас может похвастаться обладанием их полным комплектом.

[2] К концу советской эпохи география авторов ОГК насчитывала более 30 городов и населённых пунктов бывшего СССР, а также 6 зарубежных стран.

[3] *Янь Годун.* Элосы ханьсюэ: гоцюй юй сяньцзай (Российское китаеведение: прошлое и настоящее) // The Seventh Fu Ren University International Sinological Symposium: The Contribution of Russian Sinology to the Knowledge of China. Taibei, 2012. P. 41.

[4] См.: Восток (Oriens), 2003. № 6. С. 206.

[5] Его главной научной задачей на первых порах было разоблачение маоистских искажений единственно правильного учения марксизма-ленинизма в единственно правильной советской трактовке, отыскание исторических оснований для дискредитации территориальных претензий Китая, а также слежение за развитием ситуации и рекомендации в форме разного рода справок и записок (чаще всего под грифом «для служебного пользования») в Центральный Комитет КПСС, озадаченный нарастающим конфликтом с «братской страной», «нерушимая дружба» с которой куда-то стремительно испарилась в те годы.

[6] Впрочем, оно и понятно. Многие прозвучавшие в стенах Института выводы вряд ли бы прошли цензуру, вознамерься Отдел Китая их тогда опубликовать. К тому же некоторые публикации отклонялись заранее, дабы «не дразнить гусей». Поэтому письменных текстов у выступавших с докладами вообще могло и не быть.

[7] Подобная узость, повышая эффективность научных работ, в то же время ограничивает кругозор исследователя, мешает ему взглянуть на проблему «с птичьего полета», – небезосновательно отмечал Л.П. Делюсин.

[8] Общество и государство в Китае. Указатели (1–20 научные конференции). М., 1989. С. 3.

[9] См.: *Лукин А.В.* Отношение в СССР к Китаю в 50–60-х гг. 20 века. – Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. М., 2004. С. 83.

[10] См.: *Стабурова Е.Ю.* История как жизнь и искусство. – Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. М., 2004. С. 48.

Следует вспомнить также, что в случае необходимости китайские иероглифы в тексты предназначенных для публикации докладов авторам приходилось вписывать в машинописные оригиналы от руки, чаще всего прибегая для этого к помощи штатного «каллиграфа» Отдела Китая В.С. Кузеса (1923–2008). Кстати, отсутствие в типографии нужного комплекта иероглифических шрифтов едва не поставило под угрозу издание четырёхтомного «Большого китайско-русского словаря» (М., 1983–1984), удостоенного впоследствии Государственной премии.

[11] *Стабурова Е.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[12] *Синецкая Э.А.* Л.П. Делюсин – начальник. – Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. М., 2004. С. 37.

[13] *Стабурова Е.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[14] *Лукин В.П.* О Льве Петровиче Делюсине. – Общество и государство в Китае. Специальный выпуск. М., 2004. С. 11–12.

[15] Общество и государство в Китае. Указатели (1–20 научные конференции). М.,1989. С. 5.

[16] Там же. С. 4–5.

[17] Не случайно также многие ставшие теперь редкостями сборники первых конференций оказались в личных собраниях, казалось бы, далёких от китаеведения ближайших друзей одного из столпов поздней советской самиздатовской литературы Венедикта Ерофеева.

[18] *Стабурова Е.Ю.* Указ. соч. С. 49.

[19] Иногда жертвами подобных усилий становились публикации не обязательно политического характера, а просто оказавшиеся не в «формате» советской науки. Так, в частности, пал однажды жертвой подобных опасений один из авторов этих строк, чей представленный на 17-ю ОГК материал о некоторых особенностях методологии изучения НЛО в Китае был вначале отвергнут редколлегией, а напечатан тремя годами позже, уже в эпоху гласности (см.: *Дикарёв А.Д.* Новое направление исторических изысканий в КНР // Общество и государство в Китае. 20-я научная конференция. Ч. 1. М., 1989). Кстати, узнав об обращении коллеги к столь неординарной теме, известный китаевед, а ныне священнослужитель П.М. Иванов воскликнул: «раз так, тогда я про *мацзян* дам статью». И успешно опубликовал в том же 1986 г. (Общество и государство в Китае. 17-я научная конференция. Ч. 3) интересное, но вполне идеологически безобидное эссе о происхождении и социальной роли этой едва ли не самой популярной в Китае азартной игры, известной и в России под искаженным наименованием «маджонг». Надо полагать, что свою статью про *мацзян* автор заранее подверг сознательной или бессознательной самоцензуре.